

Суббота

Он разглядывал фотографии. Знал, что Вивиан возмущена его решением, но какой тут может быть праздник? Время дышало ему в спину. И теперь его, времени, осталось только на то, чтобы примириться с прошлым. Наверное, это давно пора было сделать. Прошлое нависало над ним дамокловым мечом. Но он боялся вопросов, которые придется ставить, ответов на них и всего того, что может проявиться в промежутке между вопросами и ответами.

Сделанный им выбор сформировал его как личность, и то, что он теперь видел в зеркале, выглядело не особенно лестно. Прожить жизнь с завязанными глазами — здесь нечем особенно гордиться. И вот теперь наконец он осмелился сорвать повязку и действовать, руководствуясь увиденным.

Он бережно вынимал фотографии в рамках, одну за другой, и размещал в углу, у стены. Когда пересчитал, их оказалось шестнадцать — все.

Он отошел на несколько шагов, перевел взгляд на пустые рамки — плейсхолдеры. Он написал названия работ на бумажных табличках, которые прикрепил к плейсхолдерам скотчем. Этого достаточно. Любую из своих работ он мог увидеть во всех подробностях и с закрытыми глазами. Все они четко отпечатались на его сетчатке.

Он знал, что будет развешивать снимки до глубокой ночи, и это, конечно, не пройдет ему даром, ведь он далеко не молод. Зато послезавтра, на открытии выставки, го-ра наконец свалится с плеч, и впервые за долгие годы он почувствует себя свободным. То, что он собирался сделать,

будет иметь драматические последствия, но не нужно бояться. Он и без того слишком долго прожил в страхе. Все они все это время жили в тени собственной лжи. Правда, его и их, грозила раздавить всех, но это его не останавливало. Он почувствовал громадное облегчение, прикрепля табличку со словом «Вина» к одной из рамок. Смерть больше не пугала.

* * *

Эрика Фальк потянулась. Теплая постель не отпускала, но до встречи с Луизой Бауэр оставалось немногим больше часа. Похоже, Луиза страшно волновалась накануне праздника, и ей нужно было выговориться. Только поэтому Эрика и согласилась.

— Так уж обязательно нам туда идти?

Патрик застонал и накрыл лицо подушкой, которую Эрика тут же убрала.

— Это будет здорово, — она легко ударила мужа подушкой. — Вкусная еда, приличное вино, а твоя жена в кои-то веки выберется в люди.

Патрик соорудил гримасу и прикрыл глаза.

— Золотая свадьба, Эрика. Насколько весело это может быть? Расфуфыренные гости и долгие торжественные речи. Ты ведь не хуже меня знаешь, что за люди там соберутся... — Он снова застонал.

— Мы пойдем, так или иначе. Так что советую стиснуть зубы и попытаться получить удовольствие.

Поняв, что перегнула палку, Эрика перекатилась на половину Патрика и осторожно погладила ему грудь. Сердце мужа билось мощно, ритмично. Трудно поверить, что когда-то у Патрика были с ним проблемы. Но беспокойство не ушло. Нет никакой уверенности, что проблемы не вернуться.

— Луиза рассчитывает на нас. И потом, мне нравится видеть тебя в костюме. Особенно в темно-синем, в нем ты очень эффектно выглядишь.

— Уф, не подлизывайся...

Патрик коснулся губами ее рта, после чего перешел к более глубокому поцелую, все больше привлекая к себе Эрику, которая вдруг почувствовала тепло и слабость во всем теле.

— Дети могут прийти в любое время, — пробормотала она.

Вместо ответа Патрик натянул им на головы одеяло. Стало еще теплее. Только он и она — их тела, губы, дыхание.

Уверенный стук в дверь подтвердил опасения Эрики.

— Ух ты, прятки!

Ноэль с радостным воплем бросился на кровать. В тот же момент Антон со стремительностью выпущенного из пушки ядра приземлился прямо на фамильные драгоценности Патрика.

— Ох, черт... — Патрик осекся под строгим взглядом жены.

Ноэль и Антон хохотали до слез. Эрика вздохнула, улыбаясь. Их с Патриком уединение длилось всего несколько секунд.

Она наклонилась к мальчикам и принялась щекотать их, пока те не завyli как волки.

— Я пыталась заставить их смотреть телевизор, но они убежали наверх, когда я пошла за йогуртом.

В дверях появилась Майя в рубашке с единорогом и в отчаянии всплеснула руками.

— Тебе не нужно нянчиться с ними по утрам, дорогая, — успокоил Майю Патрик, жестом приглашая войти в спальню. — Убежали так убежали...

Серьезная Майя помедлила несколько секунд, прежде чем с визгом броситься на кровать и присоединиться к игре.

Взгляды Патрика и Эрики встретились поверх копошащихся в постели детей. Идеальная семья — именно так это выглядело.

— Они позвонят, как ты думаешь? Или нам ждать до четверга? Они ведь иногда предупреждают заранее.

Хеннинг Бауэр барабанил пальцами по столешнице. Первые выходные октября. За окном осень, и серые волны с белыми пенистыми гребнями бьются о гладкие скалы небольшого острова. Их острова.

Он посмотрел на Элизабет, сидевшую напротив с чашкой чая.

— Мы ведь слышали, что я в последней пятерке. Разумеется, это ничего не гарантирует. Но шансы на победу — один к пяти.

Она, как ни в чем не бывало, продолжала пить чай. Хеннинг восхищался спокойствием жены. Так оно было всегда, когда дело касалось его писательства. Он волновался, сомневался. Она успокаивала.

Хеннинг продолжал барабанить по столу, ждал ее ответа. Ему была нужна ее поддержка. Заверение, что все будет хорошо.

Сделав еще пару глотков, Элизабет поставила чашку на блюдце. Эта чашка — один из бесчисленных подарков, оставшийся с их пышной свадьбы. Теперь Хеннинг ни за что не смог бы вспомнить, от кого они ее получили.

Очередная волна, набухшая больше других, бросила каскад брызг в панорамное окно почти во всю стену дома. Вода оставила на стекле соляные разводы, с которыми неутомимо боролась домработница Нэнси. Но попытки шхер вытеснить цивилизацию оставались не менее упорны. Как будто море хотело вернуть себе утраченные позиции.

— Не беспокойся, дорогой. Они позвонят сегодня, завтра, или подождут до четверга. В крайнем случае не позвонят вообще. Но если все-таки позвонят, в чем я почти не сомневаюсь, ты должен притвориться удивленным. Сделать вид, будто мы не знали, что ты в шорт-листе. Как будто для нас это приятная неожиданность.

Хеннинг кивнул и обернулся на окно.

— Разумеется, дорогая, разумеется...

Он стал сбиваться с ритма, наблюдая за узором, который вода оставляла на стекле. Один к пяти — он должен быть доволен. Если б еще знать, что это может значить... Один-единственный телефонный звонок мог бы все прояснить.

— Поешь немного. — Элизабет подвинула ему корзину со свежее испеченным хлебом. — День будет долгим, не говоря о вечере. Я не хочу, чтобы ты уснул за столом в десять.

Хеннинг потянулся за французскими булками. Любое занятие лучше безделья, как говаривала его жена. Он намазал на булку толстый слой масла, которое тут же впиталось.

— Вечером у нас танцы, — он подмигнул жене с набитым ртом.

Элизабет слабо улыбнулась:

— Да, танцы...

* * *

— Боже мой, в котором часу ты вывела лодку? И в такую-то погоду...

Эрика прикрывала лицо рукой, защищаясь от ветра. Как ни старалась она поспевать за Луизой Бауэр, та все равно шла быстрее. И то, что в нескольких метрах за спиной Эрики волны с угрожающим плеском ударялись о берег, нисколько не улучшало ситуации. Даже деревянные постройки на берегу как будто раскачивались под ветром.

— Уф... Я ведь просыпаюсь в шесть каждое утро, — сказала Луиза. — А сегодняшний день обещает быть долгим, поэтому его просто необходимо начать с силовой ходьбы.

Эрика закатила глаза. Луиза работала ассистенткой Хеннинга Бауэра — одного из самых известных писателей Швеции и ее свекра. Понятно, что время от времени ей нужно было проветривать мозги.

— Не думаю, что мне это так уж необходимо, — проворчала Эрика. — То же я могу сказать о любом другом виде физической активности.

Луиза рассмеялась.

— Шутница! Ты ведь чувствуешь, как приятно подвигаться с утра. Это дает энергию на весь день.

Эрика пыхтела, с трудом удерживая темп на подъеме по Галербакену и плотнее укутываясь в голубую куртку от «Хелли Хансен». Тренировочный костюм Луизы из водоотталкивающего и ветрозащитного материала был, конечно, идеален во всех отношениях, не говоря о том, что сидел великолепно.

— Потом бывают приятные ощущения, согласна, — с трудом ответила Эрика. — Если ты это имеешь в виду... Но в результате ничего не остается. Даже если я понимаю, что мне это нужно.

Она остановилась отдышаться. Луиза тоже замедлила шаг на ступеньках и оглянулась на Эрику.

— Извини, я становлюсь занудой, — продолжала та. — Наверное, дело в сидячем образе жизни и неправильном питании. Плюс возраст, не будем о нем забывать. Я уже чувствую приближение климакса. Ты нет?

Луиза опять взяла прежний темп.

— Я старше тебя на несколько лет, но... — Она прибавила скорость, проходя мимо аптеки. — Мне удалили матку, еще в молодости. Рак. И теперь то, что должно быть самой большой печалью в жизни, оборачивается благословением.

— Прости, я не знала...

Эрика поморщилась. Топать по клавишам пианино в сапогах вполне в ее стиле.

— Ничего страшного, — успокоила Луиза. — Я не делаю из этого тайны, просто редко когда приходится к слову... — Она выпрямилась. — Привет, меня зовут Луиза, и у меня нет матки!

Эрика расхохоталась. Прямота и черный юмор — это было то, что ей нравилось в Луизе.

Они познакомились через детей, на игровой площадке возле площади Ингрид Бергман. Майя сразу стала лучшей подругой пасынка Луизы Вильяма, который был на несколько лет старше ее. Пока дети играли, Эрика и Луиза разговорились. Это было прошлым летом. Теперь же Луиза

не упустила возможности встретиться с Эрикой, как только приехала во Фьельбаку с семьей. Но Эрике гораздо больше нравились их вечера за бутылкой вина, чем неожиданные и оттого вдвойне утомительные спортивные прогулки. В этом она была вынуждена себе признаться.

— Что ты думаешь о сегодняшнем вечере? — спросила Луиза.

Эрика помахала Дану, мужу своей сестры, который выгуливал с парковки возле магазина «Консум». Он радостно помахал в ответ, и Эрика представила себе, как Дан смеется над ее спортивными потугами.

— Что сказать? — только и ответила она на вопрос Луизы.

— Я не ожидаю ничего особенного. Мои родители придут через час или около того, и все будет как всегда. Им удалось снять дом в Бадисе, так что они счастливы. У нас праздник, но мнения насчет того, каким он будет, расходятся. Хеннинг говорит одно, Элизабет — другое. Мы знаем, что будет так, как хочет Элизабет. Исполнять ее волю доверено мне.

— Думаю, будет весело, — сказала Эрика.

Луиза обернулась с улыбкой.

— Это ты говоришь из вежливости. В любом случае, «весело» — это не про золотую свадьбу. Но будет вкусно, я лично пробовала меню. И вино рекой. И я позаботилась о том, чтобы вам с Патриком не было скучно за столом. У тебя будет невероятный собеседник в лице моего мужа, а Патрик получит фантастическое удовольствие от моей компании.

— Прекрасно! — восхитилась Эрика и тут же схватила за бок. Возраст все-таки давал о себе знать.

Они огибали гору, чтобы вернуться в поселок, оставляя справа место, которое в детстве Эрики называлось «семь шишек» — примерно столько их можно было набить, съезжая с крутого склона на санках. Эрика прикинула, долго ли еще идти, и пришла к неутешительному выводу.

Перед ней мелькал темный хвост волос на затылке Луизы. Он ритмично прыгал из стороны в сторону, пока она,

как будто безо всяких усилий, продвигалась вперед. Эрика наклонилась, взяла камень и сжала в ладони, в надежде хоть немного приглушить боль в боку — лишнее доказательство того, что подобные пробежки не для нее.

* * *

— Ты говорил с ней?

Тильда расширила красивые голубые глаза и подняла перед собой платье с глубоким вырезом.

Взгляд Рикарда Бауэра упал на этикетку. «Дольче и Габбана» — эта вещица обошлась ему не меньше чем в тридцать-сорок тысяч, что совершенно не беспокоило Тильду. До тех пор, во всяком случае, пока бездонного кошелька Рикарда хватало на удовлетворение любого каприза — в Стокгольме, Париже или Дубае.

— Я поговорю с ней, — пообещал он, но в силах скрыть раздражения от ее голоса, который все больше действовал ему на нервы. Неужели она всегда так скулила?.. — Я поговорю с ней, но не раньше, чем после праздника. Ты знаешь, какая у меня беспокойная мама. Не хочу портить ей вечер.

— Хорошо, но ты точно поговоришь с Элизабет завтра? Обещаешь?

Тильда выпятила грудь и поджала губы. Только что из душа, она стояла перед Рикардом голая, если не считать обернутого вокруг головы белого полотенца. Рикард почувствовал свою реакцию — полный восторг. Он мог не принимать Тильду умом, но тело реагировало на одно только ее присутствие.

— Обещаю, дорогая.

Он повалил ее на кровать, которую они только что оставили. Тильда хихикала и визжала.

— Иди сюда, детка, — застонала она. — Просто иди сюда...

Рикард зарылся лицом между ее огромными грудями, как будто спрятался от остального мира.

Элизабет Бауэр вынула из футляра красные серьги. Они достались ей от бабушки и идеально подходили к платью, которое она приготовила на вечер. Еще одно платье — черное и более легкое, для танцев, висело рядом. «Ив Сен-Лоран» и «Оскар де ла Рента». Куплены прошлой весной, когда они с Хеннингом пару недель прожили в парижской квартире. Если хотите сделать покупку на особый случай — например, празднование золотой свадьбы, — лучшего места, чем Париж, не придумать.

Элизабет бережно уложила серьги в темно-синюю обитую бархатом коробочку и вздрогнула, когда в окно спальни ударил очередной каскад брызг. Здесь, в одноэтажном доме на Шелерё, не было ни одного окна, которое не омывали бы волны. Из всех их «резиденций» эта самая скромная. Стокгольмская и парижская квартиры, не говоря о доме в Тоскане, обставлены куда более роскошно. Но Элизабет больше нравится здесь, на Шелерё, где она едва ли не с рождения проводила каждое лето.

Название острова не имело ничего общего с «душой»¹ и восходило к древнему бохусленскому слову, обозначавшему «синие мидии», которые и в самом деле были здесь повсюду. Целые горы красивых голубых ракушек. Чайки сбрасывали их с высоты, чтобы разбить о розовый гранит и добраться до съедобного содержимого. Так бесплодные скалы оживились голубоватыми вкраплениями.

Дедушка Элизабет купил этот остров, и теперь он принадлежал ей. Крохотный пятачок скалистой суши за Фьельбакой, он производил на Элизабет почти магическое действие. Стоило выбраться сюда, как все заботы развеивались. Здесь, на Шелерё, Элизабет чувствовала себя как в неприступной крепости, где никто не мог до нее добраться. Много лет они жили даже без телефона — только рация. Но теперь пользовались всеми благами цивилизации — те-

¹ Шелерё (*шв.* Skjälärö) по-шведски созвучно с själ («душа»).